

А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева
**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И НОВЫЕ САКРАЛЬНЫЕ
ПРОСТРАНСТВА: ИЕРОТОПИЯ, ХРОНОТОП И ГЛОБАЛЬНАЯ
ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА***

УДК 902

ББК 63.4(235.555)

В статье обсуждаются теоретико-методологические аспекты формирования и развития новых сакральных пространств. Проблемное поле составляет ситуация ассоциированности большей части сакральных комплексов с яркими, получившими широкий резонанс в общественном дискурсе археологическими памятниками. Неожиданные интерпретации археологических материалов часто служат базой, на которой строится мифология истории, новые идеологии и обрядовая практика. Работа основана на эмпирических материалах, полученных в ходе полевого этнографического исследования нового сакрального центра в окрестностях деревни Окунево Муромцевского района Омской области. Изобретаемые в Окунево мифология и обрядовая практика широко используют причудливо осмысленное местное богатое археологическое наследие. Особое место в этих интерпретациях уделяется личности археолога (в данном случае выдающегося российского ученого В. И. Матющенко), который рассматривается в качестве верховного демиурга, дарителя сакральных знаний. На базе эмпирики новых практик и мифологий апробируются теоретико-методологические антропологические и культурологические концепции. Используется понятие иеротопии, акцентирующее творческий характер сакрализации пространства. Рассматривается археологический фактор как основа хронотопа сакрального комплекса. Анализируются аспекты взаимовлияния актуальной мифологии и информационного пространства. Делается вывод о принципиальном сходстве традиционных, архаичных и новейших социальных практик и мифологических мотивов. При этом новые социальные практики часто представляют собой результат ревитализации, реактуализации и направленной модернизации традиционных.

Ключевые слова: *археологические памятники, мифология истории, постмодерн, иеротопии, хронотоп, Окунево, глобальное информационное пространство*

Поздне- и постсоветская эпоха характеризуется бурным ростом новых социальных движений и практик. Эти явления обусловлены решительным наступлением постмодернизма, развитием постиндустриального общества, ростом оккультных, эсхатологических настроений, экологическим кризисом, психологической и социальной неустроенностью в условиях социально-экономических трансформаций. Все большее распространение получает идеология Нью-Эйдж, духовный да-

уншифтинг, экзотические восточные культы и практики, антиконсюмеристские и экологические движения. В рамках этих движений формируются новые идеологии, социокультурные практики, мифология, изобретаются традиции и обрядность.

Между тем в отечественной науке пока относительно редко встречаются исследования антропологии постсоветских трансформаций и этнографической эмпирики новых социокультурных явлений, сформировавшихся в эпоху постмодерна и постиндустриального общества. Эти работы призваны отразить современную тенденцию расширения исследовательского пространства полевой этнографии, ее сдвиг в сторону изучения городских культур, меньшинств, нетрадиционных религиозных движений, неформальных субкультур, вновь изобретаемых традиций и обрядности.

На фоне мировоззренческого кризиса постсоветской эпохи, как грибы после дождя, развились новые сакральные центры: Аркаим на Южном Урале, Церковь Последнего Завета и Обитель Рассвета в Красноярском крае, скифские

Селезнев Александр Геннадьевич — к.и.н., зав. сектором, Институт археологии и этнографии СО РАН; доцент, Омский государственный университет (г. Омск)
E-mail: seleznev@myttk.ru

Селезнева Ирина Александровна — к.и.н., директор сибирского филиала, Институт культурного и природного наследия; доцент, Омский государственный университет (г. Омск)
E-mail: ir_selez@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии», рук. А. П. Деревянко

погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе, сейды Кольского полуострова и многие другие. В последние годы тематика новых сакральных пространств активно обсуждается на различных российских антропологических и культурологических научных площадках. Например, стоит упомянуть организованные авторами этих строк сессии «Новые сакральные пространства постиндустриальной эпохи: мода или устойчивый социокультурный феномен?» и «Горожане вне города», проведенные в рамках соответственно X и XI конгрессов этнографов и антропологов России в 2013 и 2015 гг. За всю историю конгрессов подобная тематика была заявлена впервые. Материалы сессии 2013 г. были опубликованы в форме специального тематического блока в журнале «Этнографическое обозрение» (2014, № 5). Сходная по тематике сессия «Археологическое наследие в контексте региональной и этнической идентичности» была проведена в рамках крупной конференции «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», прошедшей в Томске в 2014 г.

В 2012–2014 гг. авторы инициировали специальное этнографическое обследование известного сакрального центра, сформировавшегося за последние двадцать лет в окрестностях деревни Окунево Муромцевского района Омской области.¹ Целью исследования было выявить психологические, исторические, социокультурные факторы, способствовавшие превращению одного из рядовых сел Западной Сибири в мощный сакральный центр, обладающий огромной притягательной силой для самых разных религиозных объединений и групп населения.² Каждый год Окунево посещают несколько десятков тысяч человек. Люди приезжают из самых разных регионов России и из многих стран мира. Путешествие

в эти места становится своего рода модой, обязательным ритуалом для медийных персон и представителей так называемой «творческой элиты» современной России.

В ходе нашего полевого исследования удалось зафиксировать материалы, относящиеся к характерным для настоящего духовного состояния российского общества представлениям о развитии исторического процесса. Акцентируя внимание на главном, по нашему мнению, отличительном признаке данного комплекса представлений, мы обозначили его выражением «новая мифология истории». Эмпирические данные по теме изложены в отдельных статьях;³ в настоящей работе остановимся на некоторых объяснительных теоретических концептах, обобщающих эти материалы.

Новый сакральный комплекс как иеротопия

Начиная с 2011 г. один из авторов данной статьи опубликовал серию текстов, в которых к сибирскому материалу применялась концепция иеротопии, разработанная российским историком культуры А. Лидовым.⁴ Видимо, с нашей легкой руки этот концепт начал использоваться в работах ученых Сибири.⁵ Иеротопия — это создание сакральных пространств, рассматриваемое как особый вид творчества. По словам автора концепта, «иеротопия как тип деятельности глубоко укоренена в природе человека, который... вначале стихийно, потом осмысленно формирует конкретную среду своего общения с высшим миром».⁶

В ряде работ мы, опираясь прежде всего на наш полевой «окуневский» опыт, предприняли попытку применить концепцию иеротопии к эмпирике новейших сакральных комплексов

¹ Материалы см.: Селезнев А. Г. Отчет о проведенных в 2012–2013 гг. Среднеиртышской этнографической экспедицией полевых работах по изучению современного сакрального центра в районе д. Окунево Муромцевского района Омской области. Омск, 2014. 99 л.: ил. Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-8.

² См.: Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сакральный центр как творческий процесс: окуневский феномен // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск, 2013. С. 107–113; Они же. Новые практики освоения культурного ландшафта: сакральные пространства эпохи постмодерна // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2015. Вып. 9. С. 156–161; Гутыра В. И. Феномен деревни Окунево: субкультурное пространство городской молодежи // Журнал Института наследия. 2016. № 1 (4). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/57.html/> (дата обращения: 01.04.2016).

³ См.: Селезнев А. Г. Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // ЭО. 2014. № 5. С. 41–59; Селезнева И. А. Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Там же. С. 59–73.

⁴ См.: Селезнев А. Г. Старые и новые иеротопии Сибири: технология конструирования религиозной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск, 2011. С. 123–136; Он же. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 111–119.

⁵ См., напр.: Семенова В. И. Иеротопия Тюмени (сакральное пространство города конца XVI–XVIII вв.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск, 2013. Т. 2. С. 280–283.

⁶ Лидов А. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009. С. 12.

эпохи постмодерна.⁷ Чуть позже аналогичная идея получает распространение в трудах других ученых.⁸ В статье, фактически содержащей программу изучения новых сакральных комплексов, В. А. Шнирельман рассматривает концепцию иеротопии в качестве одного из методологических подходов к изучению экзотических явлений современного «религиозно-го ренессанса».⁹

Окунево представляет собой комплекс, весьма выразительно иллюстрирующий феномен иеротопии. Прежде всего это проявляется в организации сакрального пространства. В настоящее время здесь официально зарегистрированы три религиозно-культурные организации — Омкар «Шива Дхам» церкви Хайдаканди Самадж (бабаджисты, шиваиты), община кришнаитов и организация «Культурное наследие и творчество» (ведические православные, родноверы, ведорусы, просто «славяне»). Кроме того, в Окунево постоянно или периодически функционирует ряд других культурно-религиозных объединений — от прихода Русской православной церкви до одной из самых радикальных неоязыческих группировок современной России — Древнерусской церкви Православных Староверов Инглингов под руководством Патера Дия (отца Александра Хиневича).¹⁰

Сакральное пространство Окунева разделяется на несколько зон. Первая зона — территория самой деревни, прежде всего Центральная улица, которая также поделена на локальные участки. На одном из них расположен ашрам последователей Бабаджи и кришнаитский храм, а также несколько домов с изображениями и артефактами с явно индуистской символикой: с флажками, изображением Ганеши, соответствующими надписями. Другой участок занят постройками «славян»: жилые

дома и усадьбы соседствуют с магазином сувениров «Ладное Подворье» и кафе.

Главная сакральная зона — Омкар, Пуп Земли, Энергетический центр — это территория так называемого Татарского Увала — высокого мыса на террасе реки Тары в 1,5 км к северо-западу от деревни. Здесь, на возвышенном живописном месте, возник целый комплекс сакральных артефактов разных религиозных направлений, включающий православную часовню Михаила Архангела, православный крест, славянский знак коловорота, индуистский жертвенник «дхуни». На этом месте проводятся индуистские праздники. На окрестных деревьях повязаны ленточки.

Третья сакральная зона — Яр — место расположения туристского лагеря на дороге между Омкаром и деревней. Здесь проводят свои фестивали представители славянской культуры.

Четвертая зона — Тюп — пространство, образованное излучиной Тары (местные эзотерики утверждают, что эта излучина образует знак «омега», и придают этому факту особое значение).

Наконец, пятая зона — строящееся экологическое поселение на территории урочища Юрт-Бергамак в 3–4 км от Окунева. Здесь создается поселение нового типа, основанное на разумном использовании природных ресурсов. Проект в Юрт-Бергамаке задумывался как сугубо антиконсьюмеристский и экологически ориентированный. Будущее поселение было тщательно спроектировано. Главной сакральной зоной поселения стало обширное, около 30 м в диаметре, капище, отражающее местные мифологические представления об устройстве культовых сооружений славян языческой поры. Фактически по состоянию на лето 2015 г. на поселении продолжается строительство только на двух поместьях. Идеология поселенцев базируется на принципах независимости от каких-либо социальных, а тем более государственных, объединений и на почитании древнеславянских богов.¹¹

Дальнейшее освоение локального культурного пространства, развитие туристической инфраструктуры, несомненно, вызовут к жизни другие сакральные зоны. Относительно недавно в 2 км от Окунева появилась так называемая

⁷ См.: Селезнев А. Г. Старые и новые иеротопии Сибири...; Он же. Современные иеротопии в Сибири: технология конструирования новых культурно-религиозных идентичностей // Сибирский сборник-4. Грани социального. СПб., 2014. С. 282–292.

⁸ См., напр.: Яшин В. Б. Иеротопические мотивы и локусные культы в новых религиозных движениях // Омский науч. вестн. 2012. № 3 (109). С. 95–99; Он же. Реактуализация архайческих мифо-ритуальных практик в современной России на примере куатовской иеротопии (социологические и религиозно-ведческие аспекты) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-14593 (дата обращения: 14.11.2015).

⁹ См.: Шнирельман В. А. Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии // ЭО. 2014. № 5. С. 3, 4.

¹⁰ См.: Яшин В. Б. «Церковь православных староверов-инглингов» как пример неоязыческого культа // Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001. С. 56–67.

¹¹ См.: Селезнев А. Г. Горожане вне города: этнографическое изучение новых экоселений на территории Омской области (по материалам экспедиции 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 554.

поляна Перуна. В центре ее возвышается столб, на котором укреплен небольшая фигурка Перуна. К изваянию совершаются подношения. Поляна включена в маршруты, предлагаемые приезжающим в Окунево паломникам и туристам.

Распространенные в Окунево религиозные группы (как официальные, так и неформальные) различаются по ритуальным и культовым практикам, по используемым сакральным артефактам, поведению и образу жизни. Сторонники древнеславянских традиций организуют такие масштабные церемонии и праздники, как ежегодный фестиваль «Солнцестояние», Праздник Перуна и другие календарные ритуалы. Крупнейшая церемония, проводимая бабаджистами, — Праздник Наваратри. Адепты англиканистической церкви организуют празднование Дня Рождения богини Тары.

Феномен Окунева укладывается в концепцию иеротопии, подчеркивающую творческий аспект деятельности по преобразованию профанного пространства в сакральное. Особым объектом этнографического и антропологического изучения делает Окунево то обстоятельство, что этот комплекс сформировался в настоящую эпоху постиндустриального общества и постмодерна. Традиционные архетипы и комплексы легко встраиваются в основание мифологии, формирующейся в рамках новых сакральных пространств (иеротопий). Мифологизированное мышление свободно включает эти архетипы в свой репертуар. В слегка модернизированном виде они выступают как существенный компонент сознания, формирующегося в настоящую эпоху торжества мистики, оккультизма, эзотерики.

Археологический объект — основа хронотопа сакрального комплекса

Наш интерес к вновь возникшим сакральным пространствам не был спонтанным: он базировался на предшествующем опыте изучения святилищ, функционирующих в сфере традиционной культуры. Даже поверхностное сравнение демонстрировало общность ритуальных практик, получивших развитие в рамках традиционных и новейших сакральных комплексов. При этом отмечается ревитализация архаичных мифологических мотивов, без труда обнаруживающих себя в мифологии бурно развивающихся современных сакральных центров.

Одним из таких наиболее ярких мотивов является приуроченность традиционных святилищ к символически «вечным» объектам: к горе, пещере, отдельным большим камням, деревьям, живописным озерам или речным долинам. Эти и подобные объекты, связывающие воедино пространство и время (вечность!), составляют естественную основу хронотопа культового комплекса. Мы используем понятие «хронотоп» в том его значении, которое было разработано в трудах выдающегося российского культуролога М. М. Бахтина применительно к литературе и, отчасти, мифологии. По Бахтину, хронотоп — это существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе.¹² Полагаем, что данное понятие адекватно отражает и процесс освоения сакрального пространства.¹³

В ряду хронотопических объектов особое положение занимают выделяющиеся на местности археологические памятники разных эпох. Не случайно многие традиционные святилища имеют четкую привязку к археологическим памятникам (или к старинным архитектурным ансамблям), а иногда и располагаются непосредственно на их месте.

Новейшие сакральные пространства ассоциированы с археологическими объектами еще в большей степени, нежели традиционные. Примером могут служить скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе. Аркаим и «алтайская принцесса» Укока¹⁴ — самые

¹² См.: Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа* в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975. С. 234–407.

¹³ См.: Селезнев А. Г. *Археологический памятник как основа хронотопа сакрального пространства* (к 120-летию со дня рождения М. М. Бахтина) // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Барнаул; Омск, 2015. С. 96–99.

¹⁴ См.: Селезнев А. Г. *Старые и новые иеротопии Сибири...* С. 129–134; Доронин Д. Ю. *Что опять не так с «алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын* // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 1. С. 74–104; Broz L. *Spirits, Genes and Walt Disney's Deer: Creativity in Identity and Archaeology Disputes (Altai, Siberia)* // *The archaeological encounter: anthropological perspective*. St. Andrews, 2011. P. 275, 276; Broz L. *Substance, Conduct, and History: "Altaian-ness" in the Twenty-First Century* // *Sibirica*. 2009. Vol. 8, № 2, Summer. P. 50, 51; Halemba A. *What does it feel like when your religion moves under your feet? Religion, Earthquakes and National Unity in the Republic of Altai, Russian Federation* // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2008. Bd. 133. H. 2. P. 283–287, 294–297; *Repatriation, Doxa, and Contested Heritages: The Return of the Altai Princess in an International Perspective* / Plets G., Konstantinov N., Soenov V., Robinsson E. // *Anthropology and Archaeology of Eurasia*. 2013. Fall. Vol. 52, № 2. P. 74–84, 88–93.

известные в России случаи (в Европе наиболее популярен, конечно, Стоунхендж). Типовой механизм формирования таких центров основан на идее реактуализации, пробуждения, активации сакрального потенциала археологических объектов, наделяемых сверхъестественными функциями. Эти представления часто подкреплены мифом о том, что именно данная территория была колыбелью древнейших суперцивилизаций и с нее начнется спасение всего человечества.¹⁵

Окультно-мистическая «свистопляска» вокруг археологических памятников рассматривается специалистами в числе важнейших социокультурных факторов, определяющих становление и развитие модных постмодернистских течений современной археологической мысли.¹⁶ Этот процесс растет и ширится, вовлекая в свою орбиту все новые археологические объекты.¹⁷ Ныне, к немалому удивлению самих археологов, археологические памятники классифицируются не только по типам, хронологии и культурной принадлежности, но и по критерию их восприятия в современной культуре, по их связи с новейшими сакральными пространствами и с мифологией истории.¹⁸

Окунево занимает промежуточное положение между центрами, полностью ассоциированными с конкретными археологическими объектами, и локусами, никак внешне не связанными с археологическими памятниками (*Обитель рассвета* виссарионовцев в красноярской тайге). Археологический контекст окуневского феномена расплывчатый, неконкретный и точно не является определяющим. Тем не менее, аспект «древних цивилизаций» присутствует уже в рассказах о рождении феномена, а именно о прибытии в Окунево из Индии в 1992 г. гражданки США латвийского происхождения

Расмы Розитис, получившей духовное имя Раджани. Она основала общину последователей Бабаджи и храм — *ашрам* (к слову сказать, единственный в России). «Археологический» контекст сыграл в этом выборе существенную роль. Причудливое истолкование археологического наследия Окунева характерно также для мифологии «ведических православных» (ревнителю древнеславянских традиций) и для других культурно-религиозных групп.¹⁹

Ядром сакрального пространства является Татарский Увал. Сегодня это место называется Омкар и осмысливается как «пуп Земли», энергетический центр. Вероятно, определенную роль в его сакрализации сыграло то обстоятельство, что здесь находится ряд археологических памятников от эпохи неолита до позднего средневековья и на протяжении тысяч лет формировался разновременный некрополь.²⁰ Важнейшая роль в окуневской мифологии отводится личности выдающегося российского археолога, исследователя окуневских древностей Владимира Ивановича Матющенко (1928–2005). Примечательно, что археолог в мифологическом контексте выступает в качестве верховного демиурга — дарителя высших сакральных знаний (ср. фрагмент записанного нами текста: «...он (В. И. Матющенко — А. С., И. С.)... раскрыл много глубин и исторических фактов»).

В 2014 г. непосредственно на Пупе Земли (Татарский Увал) последователи Бабаджи установили столб, на котором был помещен текст, разъясняющий официальный символ веры религиозного объединения:

ОМКАР ШИВА ДХАМ — ОЗНАЧАЕТ МЕСТО, ОТКУДА НАЧАЛОСЬ ТВОРЕНИЕ.

Археологические раскопки на Татарском Увале под руководством профессора Матющенко подтвердили, что живописное правобережье Тары сыздавна служило местом священнодействия для многих проживающих здесь народов.

В настоящее время общиной «Омкар Шива Дхам» здесь проводится возрожденный Бабаджи огненный ритуал — ХАВАН (ЯГЬЯ), в древности изобретенный ришами для очищения окружающей среды...

Как видим, текст содержит мотив сакрализации образа археолога и его включения

¹⁵ См.: Яшин В. Б. Иеротопические мотивы и локусные культы... С. 97, 98.

¹⁶ См.: Клейн Л. С. История археологической мысли: в 2 т. СПб., 2011. Т. 2. С. 344 и след.

¹⁷ См.: Яшин В. Б. Реактуализация архаических мифо-ритуальных практик в современной России...; Ахатов А. Т., Бахшиев И. И., Тузбеков А. И. Роль археологических объектов в формировании новых сакральных пространств Южного Урала // Урал. ист. вестн. 2016. № 4 (53). С. 33–42.

¹⁸ См.: Андреев В. М. Археологический памятник в современном культурном пространстве: культурологический анализ: дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2014; Шнирельман В. А. «Арийцы», «народная археология» и общество: проблемные взаимоотношения // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул, 2014. С. 34–42; Appropriate narratives: Archaeologists, publics and stories. Budapest, 2013.

¹⁹ См.: Селезнев А. Г. Новая мифология истории...; Головнева Е., Шмидт И. Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 296–300.

²⁰ См.: Толпекко И. В. Некоторые проблемы изучения комплексов археологических памятников на Татарском увале у д. Окунево // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Исторические науки». 2015. № 3 (7). С. 71–74.

в священный пантеон. Можно констатировать, что археологическое наследие («архетип древних цивилизаций») является одним из главных факторов легитимации сакральности пространства.

В наши дни археологические памятники подвергаются сакрализации более охотно, нежели пещеры, деревья или камни. В эпоху постмодерна и информационных технологий использовать в качестве объекта своих фантазий такой интеллектуально насыщенный комплекс, как археологический памятник, стало модно и престижно. Однако качественных различий здесь нет: новая оккультно-мистическая мифология, связанная с археологическими объектами, является лишь модернизацией весьма архаичных традиционных представлений и архетипов.

*Актуальная мифология
и информационная среда*

Феномен новых сакральных пространств органично встроен в структуру широкого социокультурного дискурса. Особая роль в этом принадлежит СМИ и сетевым сообществам. Телевизионный контент переполнен рассуждениями об аномальных зонах, порталах, загадочных цивилизациях, пирамидах, дольменах, вытянутых черепахах, скрытых фактах археологии и т. п.

Архаичные мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения Хаоса в Космос активно возрождаются в неомифологии религиозных движений и сакральных пространств новейшего времени. Громкий резонанс и крайне эмоциональную реакцию в прессе вызвала история с «алтайской принцессой». Так в широком дискурсе именуется открытая археологами на Алтае мумия молодой женщины пазырыкской культуры. В общественном сознании алтайская «принцесса» превратилась в символ национальной идентичности алтайцев. С ее «мстью» связывались катастрофические землетрясения и наводнения на Алтае первых двух десятилетий XXI в.,²¹ и даже расстрел «Белого дома» в 1993 г. и войны в Чечне и на Украине.

Омский регион служит великолепным полигоном для изучения явлений иеротопии. Здесь наблюдается высокая концентрация новых религиозных движений, сакральных

пространств, организаций и отдельных лиц, назначение и деятельность которых имеет явную мистико-эзотерическую направленность.

Окуневский сакральный комплекс — один из самых популярных сюжетов федеральных и местных телеканалов. Передачи и специальные большие проекты об Окуневе, демонстрировавшиеся, как правило, неоднократно и в самое «прайм-время», подготовили телекомпания «Первый канал», НТВ (как минимум, три передачи), РЕН ТВ (два проекта), ДТВ (три проекта), ТВ Центр, «Пятый канал», ГТРК «Иртыш». С передачами на эту тему выступили звезды телеэфира Кирилл Набутов, Анна Чапман и др. Об Окуневе режиссеры Иван и Владимир Головневые сняли неигровые фильмы.²²

Анализируя окуневские материалы, мы выделили ряд характерных для современного мифологического сознания тенденций:

— обращение к запредельному, эзотерическому, иррационально-мистическому опыту как к источнику знаний о прошлом и будущем;

— ревитализация и модернизация традиционных образов и мотивов, инвенциональные технологии конструирования новых сюжетов (порталы (=иномирье), храмы, магические кристаллы, живая вода волшебных озер, сновидения как источник духовного преображения);

— сциентизм, использование паранаучной и техникстской фразеологии (голографическое поле, выходящее в навь, флеш-модули с записью нашего сознания, Атлантида и т. п.), при этом отторжение и жесткое неприятие рациональной науки (характерен афоризм-оксюморон нашего окуневского информатора «невежественнее современной науки ничего нет»);

— конспирология, опора на архетип Великой Тайны за семью печатями; вера в заговор темных сил, скрывающих знания от широких масс; воплощение принципа «удивительное рядом, но оно запрещено».

В сущности, те же тенденции, но часто, в утрированной форме, характерны и для соответствующих сюжетов СМИ. И здесь фантазии порой просто удивительны. Археологическая саргатская культура в программе Анны Чапман трансформировалась в народ саргатов, живших 8 тыс. л. н. и отличавшихся исполинским ростом и силой. Яркая, но совсем не уникальная находка — захоронения людей

²¹ Название статьи польской исследовательницы Агнешки Халембы об этой истории метафорически обыгрывает ситуацию — «Что испытываешь, когда религия уходит у тебя из-под ног?», см.: Halemba A. Op. cit.

²² См.: Селезнева И. А. Сакральный центр и внешний мир... С. 63–67; Головнева Е., Шмидт И. Указ. соч. С. 300.

с искусственно деформированными черепами — породила грандиозную мифологическую конструкцию, в которой присутствовали и древние жрицы, и прилеты инопланетян, и контакты с потусторонним миром.

С другой стороны, вызывающие широкий общественный резонанс научные идеи часто довольно органично вплетаются в актуальную мифологию. Так, в захватывающем повествовании о совершившихся в течение сотен тысяч лет экспедициях на Землю внеземных рас и о связанных с ними событиями космических катастрофах присутствуют рассуждения о генах и ДНК («чем [чище] наше ДНК, чем больше мы приближены к космическим родам, тем мы духовнее»). По всей видимости, мы здесь встречаемся с рефлексией на модные в научном мире идеи гаплогрупп, популяционной генетики, геногеографии и т. п.²³

Современные технологии и сетевая культура создают новые возможности циркуляции

информационных потоков. Формирующиеся в массовом сознании неомифологические конструкции популяризируются, творчески перерабатываются и обогащаются в медийном пространстве, а затем возвращаются в широкие массы в модернизированном виде.

В целом, следует констатировать, что такие составляющие духовного развития, как причудливые сакральные пространства, неоязычество, восточные оккультные практики, антиконсьюмеристские экологические движения, разнообразные субкультуры, все в большей степени оказывают воздействие на социокультурные процессы, протекающие в современном российском обществе. Очевидно принципиальное сходство традиционных, архаичных и новейших социальных практик и мифологических мотивов. При этом современные практики часто представляют собой результат ревитализации, реактуализации и направленной модернизации архаичных.

Alexander G. Seleznev

Candidate of Historical Sciences, Omsk State University (Russia, Omsk)

E-mail: seleznev@myttk.ru

Irina A. Selezneva

Candidate of Historical Sciences, Omsk State University (Russia, Omsk)

E-mail: ir_selez@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL OBJECTS AND NEW SACRAL SPACES: HIEROTOPY, CHRONOTOPE AND GLOBAL INFORMATION ENVIRONMENT

The theoretical and methodological aspects of the forming and development the new sacral spaces are discussed in the paper. The association of the most sacral complexes with the bright, resonance archaeological monuments create the problem field of the work. The strange interpretations of archaeological materials often created the base of the history mythology, new ideologies and ceremonial practice. The work is based on empirical material obtained by ethnographic field study of a new sacred center in the village of Okunevo (Omsk oblast, Muromtsevo district). Mythology and ceremonial practices invented in Okunevo widely used fancifully interpreted local rich archaeological heritage. The persona of archeologist takes the special place in these interpretations. He is considered as the Supreme demiurge, donator of the sacral knowledge.

The theoretical and methodological anthropological and culturological concepts are approved on the base of the new practices and mythologies empiricist. The concept of hierotopy that stressed the creative nature of the space sacralization is applied. The archaeological factor as the basis of the chronotope of the sacral complex was considered. The relevant aspects of the interaction of the actual mythology and global information environment were analyzed. The conclusion about the fundamental similarity of the traditional, archaic and modern social practices and mythological motifs was made. The latter are often the result of revitalization, reactualization and direct modernization of the first.

²³ См.: Клейн Л. С. Происхождение славян, версия биохимическая // Российский археологический ежегодник. 2015. № 5. С. 651–664; [Соколовский С. В.] Комментарии к лекции С. Боринской «Гены и народы». 2012. URL:<http://theoyandpractice.ru/seminars/29399-geny-i-narody-26-5> (дата обращения: 08.12.2015); Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этногр. обозрение. 2016. № 5. С. 16–17.

Keywords: *new sacral spaces, archaeological monuments, mythology of history, postmodern, postindustrial society, hierotopies, chronotope, Okunevo, global information environment*

REFERENCES

- Andreev V. M. *Arkheologicheskiy pamyatnik v sovremennom kulturnom prostranstve: kulturologicheskiy analiz* [Archaeological site in the modern cultural space: cultural analysis] *Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata kulturologii* [Dissertation for the degree of candidate of cultural science]. Chelyabinsk: Chelyabinskaya gosudarstvennaya akademiya kultury i iskusstv Publ., 2014. 233 p. (in Russ.).
- Akhatov A. T., Bakhshiev I. I., Tuzbekov A. I. *Rol arkheologicheskikh obektov v formirovaniy novykh sakralnykh prostranstv Yuzhnogo Urala* (Role of archaeological sites in the formation of new sacral spaces of the Southern Ural). *Ural'skiy istoricheski vestnik* (Ural Historical Journal), 2016, № 4 (53), pp. 33–42. (in Russ.).
- Appropriate narratives: Archaeologists, publics and stories. Budapest: Archaeolingua Alapítvány Publ., 2013. 296 p. (in English).
- Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: essays on the historical poetics]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1975, pp. 234–407. (in Russ.).
- Broz L. Sibirica. 2009, Vol. 8, № 2, Summer, pp. 43–70. (in English).
- Broz L. Spirits, Genes and Walt Disney's Deer: Creativity in Identity and Archaeology Disputes (Altai, Siberia) // The archaeological encounter: anthropological perspective. St. Andrews: Centre for Amerindian, Latin American and Caribbean Studies, University of St. Andrews, 2011, pp. 263–297. (in English).
- Doronin D. Yu. *Chto opyat ne tak s "altayskoy printsessoy"?* *Novye fakty iz nyuslornoy biografii Ak Kadyn* (What is wrong again with the "Altai princess"? New facts from newslore biography of Ak Kadyn). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* (Siberian Historical Research), 2016, № 1, pp. 74–104. (in Russ.).
- Golovneva E., Shmidt I. *Obrashchenie k vere, utopiya i sakralnoe mesto (d. Okunevo v Zapadnoy Sibiri)* (Religious Conversion, Utopia, and the Sacred Site: Okunevo Village in Western Siberia). *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* (State, Religion and Church in Russia and Worldwide), 2015, № 3 (33), pp. 291–321. (in Russ.).
- Gutyra V. I. *Fenomen derevni Okunevo: subkulturnoe prostranstvo gorodskoy molodezhi* [The phenomenon of the village Okunevo: subcultural space urban youth] *Zhurnal Instituta naslediya* [Heritage Institute Journal]. 2016, № 1 (4). Available at: URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/57.html/> (accessed April 01 2016). (in Russ.).
- Halemba A. What does it feel like when your religion moves under your feet? Religion, Earthquakes and National Unity in the Republic of Altai, Russian Federation // *Zeitschrift für Ethnologie* [Journal of Ethnology]. 2008, Bd. 133, H. 2, pp. 283–299. (in English).
- Kleyn L. S. *Istoriya arkheologicheskoy mysli* [History of archaeological thought]. St. Petersburg: SPbGU Publ., 2011, Vol. 2, 626 p. (in Russ.).
- Kleyn L. S. *Proiskhozhdenie slavyan, versiya biokhimicheskaya* (The origin of the Slavs, biochemical version). *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* (Russian Archaeological Yearbook), 2015, № 5, pp. 651–664. (in Russ.).
- Lidov A. *Ierotopiya. Prostranstvennyye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiyskoy culture* [Hierotopy. Spatial icons and images paradigm in Byzantine culture]. Moscow: Feoriya Publ., 2009. 352 p. (in Russ.).
- Plets G., Konstantinov N., Soenov V., Robinsson E. *Anthropology and Archaeology of Eurasia*. 2013, Fall. Vol. 52, № 2, pp. 73–98. (in English).
- Seleznev A. G. *Arkheologicheskiy pamyatnik kak osnova khronotopa sakralnogo prostranstva (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya M. M. Bakhtina)* [The archaeological site as the basis chronotop sacred space (the 120th anniversary of M. M. Bakhtin)]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic research]. Barnaul; Omsk: ID "Nauka" Publ., 2015, pp. 96–99. (in Russ.).
- Seleznev A. G. *Novaya mifologiya istorii: arkhetip «drevnikh tsvilizatsiy» i sakralnyy tsentr v rayone derevni Okunevo* (A New Mythology of History: The Archetype of "Ancient Civilizations" and the Sacral Centre Near the Village of Okunevo). *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2014, № 5, pp. 41–59. (in Russ.).
- Seleznev A. G. *Gorozhane vne goroda: etnograficheskoe izuchenie novykh ekoposeleniy na territorii Omskoy oblasti (po materialam ekspeditsii 2015 goda)* [Citizens outside the city: an ethnographic study of new ecovillages in the Omsk region (in 2015, the expedition materials)] *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2015, Vol. 21, pp. 553–557. (in Russ.).

Seleznev A. G. *Sovremennyye ierotropii v Sibiri: tekhnologiya konstruirovaniya novykh kulturno-religioznykh identichnostey* [Modern hierotopy in Siberia: the construction technology of new cultural and religious identities] *Sibirskiy sbornik–4. Grani sotsialnogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniya sotsialnykh otnosheniy i kultury* [Siberian collection–4. Facets Social: Anthropological Perspectives study social relations and culture]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2014, pp. 282–292. (in Russ.).

Seleznev A. G. *Starye i novye ierotropii Sibiri: tekhnologiya konstruirovaniya religioznoy identichnosti* [Old and new hierotopy Siberia: the technology of constructing religious identity population] *Naselenie Sibiri: mezhnatsionalnye otnosheniya, obrazovanie i kulturnaya identichnost* [Siberia: ethnic relations, education and cultural identity]. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN Publ., 2011, pp. 123–136. (in Russ.).

Seleznev A. G. *Islamskie kultovye komplekсы astana v Sibiri kak ierotropii: sakralnye prostranstva i religioznaya identichnost* (Islamic Siberian cult complexes of Astana as hierotopy: sacral spaces and religious identity). *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography), 2013, № 2 (21), pp. 111–119. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. *Novye praktiki osvoeniya kulturnogo landshafta: sakralnye prostranstva epokhi postmoderna* [New practices of development of the cultural landscape: the sacred space of the post-modern era] *Etnografiya Altaya i sopredelnykh territoriy* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Barnaul: AltGPU Publ., 2015, Issue 9, pp. 156–161. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. *Sakralnyy tsentr kak tvorcheskii protsess: okunevskiy fenomen* [The sacral center as the creative process: the phenomenon Okunevo] *Tvorchestvo v arkheologicheskom i etnograficheskom izmerenii* [Creativity in the archaeological and ethnographic dimension]. Omsk: ID “Nauka” Publ., 2013, pp. 107–113. (in Russ.).

Selezneva I. A. *Sakralnyy tsentr i vneshniy mir: problemy vzaimodeystviya* (The sacral center and the outside world: the problems of interaction). *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2014, № 5, pp. 59–73. (in Russ.).

Semenova V. I. *Ierotopiya Tyumeni (sakralnoe prostranstvo goroda kontsa XVI–XVIII vv.)* [Hierotopy Tyumen (sacred space of the late of the 16th–18th centuries)] *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic research]. Irkutsk: IrGTU Publ., 2013, Vol. 2, pp. 280–283. (in Russ.).

Shnirelman V. A. “Ariytsy”, “narodnaya arkheologiya” i obshchestvo: problemnye vzaimootnosheniya [“Aryans”, “People’s archaeology” and society: the problematic relationship between Aria] *Arii stepey Yevrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Yevrazii i na sopredelnykh territoriyakh* [Eurasian steppes: the Bronze Age and Early Iron Age in the Eurasian steppes and adjacent territories]. Barnaul: AltGU Publ., 2014, pp. 34–42. (in Russ.).

Shnirelman V. A. *Mesta sily: konstruirovaniye sakralnogo prostranstva. Vvedenie k diskussii* (Sacred Sites: The Construction of Sacred Space: Introduction to Discussion). *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2014, № 5, pp. 3–9. (in Russ.).

Sokolovskiy S. V. *Kommentarii k lektzii S. Borinskoy «Geny i narody». 2012* [Comments to the lecture S. Borinskaya “Genes and peoples”. 2012]. Available at: URL: <http://theoryandpractice.ru/seminars/29399-geny-i-narody-26-5/> (accessed December 08 2015). (in Russ.).

Tishkov V. A. *Ot etnosa k etnichnosti i posle* (From Ethnos to Ethnicity and After). *Etnograficheskoe Obozrenie* (Ethnographic Review), 2016, № 5, pp. 5–22. (in Russ.).

Tolpeko I. V. *Nekotorye problemy izucheniya kompleksa arkheologicheskikh pamyatnikov na Tatarskom uvale u d. Okunevo* (Some problems in the study of complex archaeological sites in the Tatar Uvala d. Okunevo). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki”* (Herald of Omsk university. Series “Historical studies”), 2015, № 3 (7), pp. 71–74. (in Russ.).

Yashin V. B. “Tserkov pravoslavnykh staroverov-inglingov” kak primer neoyazycheskogo kulta [“Church of Orthodox Old Believers-Inglingos” as an example of neo-pagan cult] *Neoyazychestvo na prostorakh Yevrazii* [Neopaganism in Eurasia]. Moscow: BBI Publ., 2001, pp. 56–67. (in Russ.).

Yashin V. B. *Nekotorye problemy izucheniya kompleksa arkheologicheskikh pamyatnikov na Tatarskom uvale u d. Okunevo* (The hierotopian motives and cults of the saints places in new religious movements). *Omskiy nauchnyy vestnik* (Omsk Scientific Bulletin), 2012, № 3 (109), pp. 95–99. (in Russ.).

Сакральная зона Омкар, Пуп Земли (Татарский увал)
и ритуальные танцы на индуистском празднике Наваратри.
Д. Окунево Муромцевского р-на Омской области. Фото И. А. и А. Г. Селезневых, 2012–2013 гг.

Скульптура Великой матери Бела-Тары и лидер Древнерусской церкви Православных Староверов Инглингов Патер Дий (А. Хиневич) (второй справа) со своими сторонниками на праздновании дня рождения богини Тары на Омкаре. Д. Окунево Муромцевского р-на Омской области. Фото И. А. и А. Г. Селезневых, 2013–2016 гг.